

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕАКЦИЯ ВЛАСТИ¹

А. В. Соколов

Соколов Александр Владимирович, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150000, Россия.

E-mail: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374

Аннотация. Активизация коллективных действий граждан является тенденцией, охватывающей различные части мира. Россия в данном случае не исключение. Развитию коллективных действий также способствует развитие Интернета, облегчающего коммуникацию граждан, координацию их совместных действий. С целью анализа организации и особенностей осуществления коллективных действий в современной России приводятся результаты авторского исследования — серии опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015-м — 14, в 2017-м — 16. Результаты исследования позволили выявить, что наибольшую активность в общественно-политической жизни регионов проявляют коалиции общественных объединений. Однако они объединяют не более двух-трех партнеров. При этом наиболее важным принципом функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов являются «общий интерес/цель к причине гражданской активности», «добровольный характер участия» и «открытость, развитие системы внешних связей». Исследование позволило установить активизацию коллективных действий в Интернете, однако ее результативность снижается. При этом рост протестной активности в регионах все больше дестабилизирует общественно-политическую жизнь. Отдельное внимание уделено анализу реакции власти на коллективные действия в современной России. Отмечается, что в последнее время в России возрастает роль государства в сфере регулирования интернет-среды. При этом указывается, что оно не оказало серьезного влияния на содержание коллективных действий граждан. Региональные, а также федеральные органы государственной власти отслеживают мероприятия и акции гражданских активистов, инициативных групп. Однако государство к активности граждан в сети Интернет относится более снисходительно, нежели к офлайн гражданской активности, поэтому реже реагирует на общественные акции и инициативы в сети Интернет. На различные формы офлайн непротестных коллективных действий органы власти различных субъектов реагируют по-разному. Но чаще они либо «незначительно поддерживают их», либо «активно поддерживают, видя позитивные результаты работы», либо «опасаются и оказывают минимальное содействие им», либо противодействуют им.

Ключевые слова: коллективные действия, протест, Интернет, социальные сети, власть, коммуникация.

Введение

Массовые коллективные действия охватили весь мир, их примеры можно найти в различных частях света. Организованные коллективные действия организуются под различными требованиями и манифестами. Это движение Indignados («Возмущенные») в Испании, движения Оккупай в разных странах, «Арабская весна», «цветные» революции и др. Они представляют собой хорошо организованные коллективные действия больших человеческих масс. В них хорошо проявляются генерация информационных сигналов и информационного контента, координация деятельности различных групп и их интеграция для достижения общей цели (Della Porta D., 2014).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-03-00132-ОГН «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

Обобщая существующие подходы к пониманию коллективных действий, можно согласиться с подходом Л. Мелдины, которая под коллективными действиями в современной литературе понимает совокупность действий, представляющих собой определенную систему организованных индивидуумов, входящих в определенной степени организованные группы (Medina, 2007). Для достижения своих целей индивидуумы формируют механизмы координации действий, набор инструментов действий, символических практик (McAdam, McCarthy, Zald, 1996). Репертуар действий включает сидячие забастовки, бойкоты, уличные демонстрации, поджоги, рассылки петиций по электронной почте, взлом веб-сайтов, обмен новостями через социальные медиа (Earl, Kimport, 2011). Данные действия направлены на трансформацию социального пространства, с которым не согласны участвующие индивидуумы.

В российской научной среде под влиянием западных теорий социальных движений и коллективных действий сложилось понимание протеста как формы коллективных действий, в основе которого лежит активистско-деятельностный принцип. Политический протест — «коллективное действие солидарных рациональных акторов, ориентированных на введение новых центров власти либо замещение прежних, изменение соотношения политических сил и механизмов дистрибуции ресурсов в соответствии с собственными запросами и ценностями» (Пустошинская, 2014). Политический протест здесь воспринимается как неотъемлемый элемент демократической общественно-политической системы.

Этот подход стал альтернативой традиционному для российской науки бихевиористскому восприятию протеста в категориях «стимул — реакция». В словаре-справочнике под редакцией А. Пугачева политический протест определен как «негативная реакция субъектов политики на принимаемые властью решения, сложившийся политический порядок, действия противников и оппонентов» (Куприяшин и др., 1996). Е.Н. Максимова трактует политический протест как негативную реакцию или поведение социальных субъектов в ответ на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или на действия государственной власти. Как показывает практика общественной жизни, вербально-эмоциональный уровень политического протеста не нарушает стабильность функционирования политической системы, в то время как инструментальный уровень протеста оказывается дестабилизирующим для общественного развития (Максимова, 2013).

Современное представление о протестах основано на признании того факта, что граждане являются не только объектом воздействия государственной власти, но и сами, объединяясь ради общих целей, представляют собой творческий субъект, который создает и изменяет социально-политическую реальность. Протест предстает как форма целенаправленной активности социальных субъектов (граждан и их объединений). Действительно, социальный протест — это специфическая форма социального (а значит, коллективного) действия субъектов общественной жизни, направленная на изменение процессов, явлений и отношений, которые оцениваются ими как неприемлемые.

Г. Брэди, С. Верба и К. Шлоzman утверждают, что существует положительная связь между способностью индивидуума влиять на политические процессы и использованием цифровых технологий (Brady, Verba, Schlozman, 1995). Социальные сети облегчили поиск и распространение информации и поэтому снизили затраты на доступ к ней и политическому участию. Они предоставили возможность не только

поиска информации, но и ее комментирования, обсуждения в удобных для них месте и времени. Пользователи могут примкнуть к социальным движениям без непосредственного участия в митингах и иных мероприятиях. В результате цифровые технологии снижают издержки и создают значительный потенциал для демократизации политического участия.

П. Маккарди подчеркивает важность для достижения успеха коллективного действия распространения информации о данных действиях в СМИ и Интернете (McCurdy, 2012). Именно так формируется альтернативное информационное пространство, позволяющее актуализировать проблему и мобилизовать сторонников.

Социальные медиа также используются для высказывания своей точки зрения. Данная политическая активность предполагает большую включенность, высокую активность в сборе и обработке информации, глубину мышления (Cho, Shah, McLeod, McLeod, Scholl, Gotlieb, 2009). При этом активное высказывание различных точек зрения в социальных медиа может способствовать развитию коллективных действий и протестной активности. Это связано с тем, что высказывание мнения связано не только с обменом информацией, но и ее толкованием. Таким образом, выражение мнений в социальных медиа способствует формированию политических дискуссий, которые облегчают политическое просвещение и мотивируют людей на политическую активность.

Постоянная коммуникация и формирующийся опыт взаимодействия позволяют формировать в социальных сетях коллективную идентичность, которая понимается как чувство привязанности группе, которая предпринимает коллективные действия по общему актуальному вопросу (van Stekelenburg, Klandermans, 2010). При этом существуют различные точки зрения на роль коллективной идентичности. Одни считают, что она связана с социализацией в организационной среде, в которой интернет-инструменты лишь дополняют ее (Diani, 2000). Другие предполагают, что идентичность формируется лишь в пределах листа контактов используемых интернет-инструментов (Kavada, 2009).

Ранее, до развития социальных сетей и онлайн-коммуникации, такая идентичность формировалась только посредством членства в группе. Сейчас же большее значение приобретает коллективная деятельность и коммуникация. Коллективные идентичности существенно содействуют организации коллективных действий посредством противопоставления «своих» и «чужих» (Friedman, McAdam, 1992). Они также позволяют выстраивать отношения с теми, с кем не знакомы в обычной жизни.

Благодаря формам коммуникации, преимущественно посредством Интернета, граждане, желающие участвовать в общественной жизни города, региона, находят контакты и возможности для реализации активной гражданской позиции. Интернет-инструменты сделали процесс включения населения в жизнь общества быстрым и простым.

Бурное развитие и применение современных информационных технологий — основной тренд мирового развития последних лет. Основная роль в этом процессе принадлежит сети Интернет, которая эволюционировала из способа обмена информацией в особое коммуникативное пространство. О.Г. Филатова выделяет ключевые особенности Интернета: мультимедиа, персонализацию, интерактивность, отсутствие посредников (Филатова, 2000).

Обобщая различные подходы, можно говорить о том, что Интернет и информационно-коммуникативные технологии позволяют:

- получить доступ к альтернативным источникам информации (Horrigan, Garrett, Resnick, 2004);
- создать условия для открытых дискуссий (Boulianne, 2009);
- вовлечь молодежь в общественно-политическую деятельность (Palfrey, Gasser, 2008);
- обеспечить обратную связь с деятельностью органов власти (Curran, 2005).

К. Уэллс указывал три факта использования интернет-технологий в коллективном действии:

- 1) они значительно помогают участникам в формировании и координации коллективных действий;
- 2) представляют собой элемент организационной структуры субъекта коллективного действия;
- 3) реализуют пределы неиерархической и неинституциональной мобилизации.

Таким образом, справедливым будет следующее утверждение: во-первых, Интернет является новой формой коммуникаций и обмена информацией, основанной на сетевом принципе и практической равнозначности субъектов коммуникаций; во-вторых, он выступает движущей силой развития социальных сетей и горизонтальных связей, а также их перехода на качественно новый уровень, тем самым содействуя формированию и становлению гражданского общества.

Развитие интернет-технологий на фоне кризиса традиционных политических институтов приводит к тому, что граждане (в первую очередь молодежь) все больше переориентируются на новые каналы коммуникации и формы активности, которые, как отмечают Джо Кейн и Кэти Коэн, нельзя не принимать во внимание (Cohen, Kahne, 2012).

Информационно-коммуникативная среда Интернета обеспечивает возможность прорыва информационной блокады со стороны СМИ и альтернативу властным медиа. Обобщая сказанное, подчеркнем: в интернет-пространстве зарождается платформа, объединяющая людей для действий, которые нуждаются в координации.

Пространство интернет-коммуникаций активно используется не только обычными пользователями сети, но и различными политическими акторами всех уровней, в том числе в процессе организации и осуществления протестной активности. Интернет стал альтернативной средой для проведения политических кампаний, бросая вызовы традиционным способам проявления политической активности.

Таким образом, Интернет все чаще используются в протестных кампаниях (для организации коммуникации, освещения и опубликования).

К. Ширки утверждает, что Интернет изменил политику и политическую деятельность индивидуумов посредством существенного облегчения поиска и мобилизации сторонников (Shirky, 2008). Однако активистам все так же сложно организовать и действовать в направлении формулирования и реализации политики. Протестующие могут предопределить смену власти, однако, как показывает случай Египта, потом они оттесняются другими силами (вначале братьями-мусульманами, а затем военными).

З. Тафочи объясняет это так: раньше, чтобы собрать значительные массы сторонников и вывести их на улицу, требовалась значительная предварительная подготовка (Tufekfi, 2014), иногда она могла растянуться на годы. Зато в результате организаторы получали значительный практический опыт, в том числе и организаторской работы, формирования коалиций. Современные же массовые движения посредством социальных сетей и других интернет-инструментов формируются

очень быстро. Это не дает возможности выявить наиболее сильных лидеров, сформировать у них необходимые навыки политической деятельности, которая должна стать следующим за митингом шагом.

Исходя из этого, оценить степень влияния протестной активности в Интернете на офлайн-политику можно как уже имеющую положительные результаты и тренд, обладающий огромным потенциалом развития при должном подкреплении. Например, онлайн-кампании часто требуют дополнительных действий для подтверждения/опровержения информации, распространенной через Интернет.

Можно сделать вывод, что Интернет играет роль вторичного фактора изменения политических процессов и институтов, формируя общественное мнение, на которое впоследствии вынуждены реагировать власти. При этом принципиально важен характер этой реакции — декларативный или реальный.

Методика исследования

С целью анализа организации и особенностей осуществления коллективных действий в современной России автором была проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015-м — 14, в 2017-м — 15 (см. таблицу).

Для проведения опроса экспертов ежегодно отбиралось не менее 14 субъектов Федерации. Репрезентативность выборки регионов обеспечивалась по следующим критериям отбора:

- географическое положение;
- экономическое развитие региона;
- политическая система субъекта Федерации;
- социальная и демографическая структура;
- этническая и религиозная структура региона;
- региональный политико-административный режим;
- территориальная принадлежность к определенному федеральному округу.

Реализация принципа гетерогенности при отборе регионов обеспечивала репрезентативность выборки, в которую входило более 14 субъектов Федерации.

Центральным критерием отбора экспертов была компетентность, предполагающая:

- информированность о протестной активности в регионе;
- знание основных механизмов функционирования политической системы региона;
- вхождение в ту или иную региональную политическую элитную группу;
- опыт работы в сфере публичной политики и/или в органах государственной власти и местного самоуправления;
- знание основных акторов регионального политического процесса;
- знание политической конъюнктуры региона.

Главным критерием включения в состав экспертов была осведомленность по изучаемой проблеме. Ресурсными группами выступили:

1) представители органов власти: сотрудники органов управления регионального уровня (исполнительных и законодательных), сотрудники государственных учреждений и организаций, сотрудники органов местного самоуправления и муниципальных учреждений и организаций;

2) представители общественно-политической элиты, не занимающие постов в органах власти: руководители региональных и местных отделений политических партий, руководители некоммерческих и общественных организаций, представители СМИ;

Распределение выборки исследования

Table 1. Distribution of Collective Actions on the Basis of the Research

Субъект Федерации	Год		
	2014	2015	2017
1. Алтайский край	12	–	–
2. Владимирская область	12	–	–
3. Вологодская область	11	–	–
4. Воронежская область	11	12	11
5. Иркутская область	14	11	10
6. Калининградская область	11	–	11
7. Кировская область	13	12	11
8. Костромская область	10	11	11
9. Краснодарский край	10	10	–
10. Нижегородская область	10	–	–
11. Новосибирская область	10	15	–
12. Республика Адыгея	11	11	12
13. Республика Башкортостан	10	11	10
14. Республика Дагестан	12	13	11
15. Республика Карелия	11	–	–
16. Республика Татарстан	10	10	10
17. Ростовская область	–	–	14
18. Самарская область	10	13	11
19. Саратовская область	12	14	14
20. Ставропольский край	–	–	10
21. Ульяновская область	10	10	10
22. Хабаровская область	10	–	–
23. Ярославская область	13	12	16
Итого	233	165	172

3) экспертное сообщество: представители профильных академических учреждений и не входящие в вышеуказанные структуры политические эксперты.

Все целевые группы были представлены относительно равномерно в каждой из выборок (как в каждом субъекте Федерации, так и в выборке в целом): представители органов власти (примерно 35% выборки), представители НКО и политических партий (примерно 30%), представители экспертного сообщества (примерно 35%).

Общее количество респондентов для опроса экспертов в каждом субъекте Российской Федерации составляло не менее 10 чел. Это позволяло получить репрезентативные данные о ситуации в регионе.

Необходимо отметить, что уровень компетентности напрямую зависит от степени вовлеченности экспертов в региональный политический процесс в том или ином статусе. Указанные статусные группы предполагают высокую вероятность

того, что эксперт в значительной мере вовлечен в политический процесс в субъекте Федерации.

Основная цель экспертного опроса в рамках проведенного исследования заключалась в выявлении наиболее существенных, важных аспектов коллективных действий благодаря использованию знаний и опыта экспертов.

При стандартном порядке проведения респондент самостоятельно заполнял вопросник (высланный по электронной почте). В исключительных случаях опрос проводился по телефону.

Для опроса экспертов использовалась полуформализованная анкета и заочный письменный сбор данных.

Для обработки применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS. Обработка проводилась методом независимых характеристик. Он позволял дать обобщенную оценку одного явления, информация о котором поступает от нескольких независимых экспертов. На первом этапе сопоставлялись разные мнения, на втором шла обработка с помощью математико-статистических процедур, на третьем формулировались выводы.

В ходе исследования эксперты оценили:

- степень развитости офлайн и онлайн гражданская активность в каждом регионе;
- значимость гражданской активности;
- факторы, способствующие росту эффективности гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан в Вашем регионе;
- основные проблемы в развитии гражданской активности;
- активность различных форм гражданских объединений;
- особенности кооперации гражданских объединений в коллективных действиях;
- протестную активность и степень ее влияния на общественно-политическую ситуацию в регионе;
- влияние активизации государства на гражданскую активность в сфере регулирования интернет-среды;
- реакцию власти на коллективные действия.

В результате исследования были выявлены не только характеристики онлайн и офлайн коллективных действий в современной России, но и динамика изменения данных показателей, а также их особенности в различных субъектах Российской Федерации.

Коллективные действия в России

Наибольшую активность в общественно-политической жизни регионов проявляют коалиции общественных объединений. Как правило, они объединяют не более двух-трех партнеров (в среднем по стране). Однако данные за три последних года свидетельствуют об увеличении числа коалиций, объединяющих четырех и более участников (партнеров). Такие альянсы чаще складываются в онлайн-среде.

Наиболее важными принципами функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов являются «общий интерес/цель к причине гражданской активности», «добровольный характер участия» и «открытость, развитие системы внешних связей». Первые два принципа входят в число основных на протяжении трех лет подряд, третий принцип вошел в тройку наиболее важных впервые.

Согласно данным экспертного опроса, в последние годы число граждан, так или иначе принимающих участие в различных формах коллективных действий

практически не изменилось (в 2015 г. — 5,94 балла, 2017 г. — 5,66 балла по шкале от 0 до 10 баллов, где «0» — отсутствие гражданской активности, «10» — масштабная гражданская активность).

Опираясь на ответы экспертов, можно констатировать: жители исследуемых субъектов Российской Федерации охотнее проявляют свою гражданскую позицию в сети Интернет, нежели в реальной жизни. Уровень активности коллективных действий в офлайне эксперты оценили в среднем в 4,90 балла, активность в онлайн на 5,66 балла. Однако такая картина прослеживается не во всех регионах России. Из числа включенных в исследование регионов, в Саратовской, Самарской, Ростовской, Воронежской, Иркутской областях, Республике Адыгея активность граждан, во-первых, в целом ниже среднего, а во-вторых, одинакова как в офлайн, так и в онлайн. Можно предположить, что проявление активности граждан в сети Интернет во многом сопряжена с проникновением Интернета в субъектах РФ. По данным Фонда «Общественное мнение», в Приволжском федеральном округе, Южном и Северо-Кавказском федеральных округах уровень проникновения Интернета несколько ниже, чем в среднем по России (65 и 69% соответственно).

Жители различных субъектов Российской Федерации участвуют в коллективных действиях в Интернете и в офлайн по-разному. Если на площадке Интернета они скорее ориентированы на обсуждение проблем на различных форумах, участие в опросах и благотворительных акциях (как правило, активность здесь заканчивается переводом денежных средств), то в реальной жизни люди предпочитают принимать участие в общественно-политической жизни посредством участия в выборах, работы в НКО, благотворительных мероприятиях. Отметим, что и в реальной жизни, и в сети граждане много сил отдают написанию различных обращений в органы власти.

Экспертный опрос позволил выделить несколько особенностей поведения онлайн и офлайн гражданских активистов в различных субъектах Российской Федерации. Прежде всего отметим одну важную особенность: в реальной жизни граждане имеют больше возможностей для проявления своей общественно-политической инициативности, нежели в сети Интернет. Этим обусловлены и полученные нами результаты.

1. Офлайн-активность в Ярославской области, как и в Самарской и Калининградской областях, тесно связана с работой некоммерческого сектора. В регионах со средним или ниже среднего уровня активности коллективных действий (в офлайн $\leq 4,9$ балла, в онлайн $\leq 5,6$ балла) лидирующую позицию в числе наиболее распространенных форм проявления общественной активности занимают выборы в органы власти. Это Республика Адыгея, Ярославская область, Республика Татарстан, Костромская область, Республика Башкортостан, Кировская область.

2. В сети Интернет особенно популярны такие формы активности, как общение и обсуждения на форумах общественно значимых проблем и благотворительные акции. Особенно часто данные формы коллективных действий используются в регионах со средней и низкой онлайн-активностью населения.

3. Обращения в органы власти как одна из форм коллективных действий, распространена в равной степени и в онлайн- и в офлайн- среде большинства субъектов РФ. Возможно, популярность данной формы связана с её низкой энергозатратностью. Исключение Ульяновская область, Кировская область, Республика Башкортостан, Иркутская область и Ставропольский край.

За 2015–2017 гг., судя по результатам экспертных интервью, значимость и влияние онлайн коллективных действий на результат деятельности инициативных групп

и граждан заметно снизились. Если в 2015 г. активность граждан в сети Интернет признавали действенной чуть более 40% экспертов, то в 2017 г. уже только 32%. В то же время доля участников опроса, заявляющих о малозначительном и незначительном влиянии онлайн-активистов на продвижение и реализацию тех или иных общественных инициатив, наоборот, возросла. Интересно, что эксперты, представляющие различные социально-профессиональные группы, по-разному смотрят на эффективность гражданской активности в сети Интернет. Как показал опрос, депутаты различных уровней, представители НКО, СМИ и ученые склонны верить в действенность или хотя бы малозначительное влияние активности граждан в сети Интернет на общественно-политическую жизнь. В органах власти, бизнесе и политических партиях редко кто видит силу или хоть какой-нибудь смысл в гражданской онлайн-активности.

В различных субъектах Российской Федерации роль коллективных действий в Интернете в процессе достижения целей инициативных групп и людей существенно различается. К примеру, 57% экспертов от Ярославской области в ходе интервью говорили о реальной силе онлайн-активности, примерно столько же в Ульяновской и Иркутской областях. Большинство экспертов от Самарской области, Ставропольского края и других субъектов со средней и низкой общественно-политической активностью населения в Интернете данное мнение не разделяют.

В эффективность коллективных онлайн-действий заметно чаще остальных верят организаторы протестных и непротестных публичных офлайн- и онлайн-акций.

Большую роль в росте эффективности коллективных действий по отстаиванию прав граждан в регионах, согласно консолидированному мнению экспертов, играет поддержка со стороны СМИ, блогеров, интернет-сообщества, широкая поддержка со стороны населения или больших социальных групп и наличие яркого, деятельного лидера. Если говорить отдельно по регионам, то в Костромской области и Республике Башкортостан активистам не хватает материальных ресурсов. В Ярославской области и Республике Дагестан инициативным гражданам недостает широкой поддержки со стороны населения или больших социальных групп.

Основной проблемой развития коллективных действий граждан, по мнению большинства экспертов, является низкая инициативность и активность граждан, а также разобщенность институтов гражданского общества и гражданских активистов. Безусловно, процесс вовлечения граждан в общественно политическую жизнь в каждом регионе имеет свои особенности, однако основные трудности во всех регионах примерно одинаковы. Исключение — Ульяновская и Калининградская области, где основная проблема развития гражданской активности заключается в ограниченности ресурсов.

Как и три года назад, наибольшую активность сегодня демонстрируют официально зарегистрированные общественные объединения, а также формально незарегистрированные объединения граждан (например, локальные группы, общественные движения, интернет-сообщества и т.п.) и смешанные коалиции зарегистрированных и незарегистрированных объединений.

Данные мониторинга свидетельствуют о росте протестных настроений в субъектах Российской Федерации. В 2014 г. степень готовности к протестным действиям гражданских активистов была оценена экспертами в 2,44 балла, в 2015 г. — в 3,20 балла, в 2017 г. — уже в 4,67 балла (по шкале от 0 до 10, где «0» — отсутствие протестных действий, «10» — масштабная протестная активность). Можно предположить, что это произошло за счет появления и активного распространения среди

населения новой площадки выражения протестных настроений — сети Интернет. Исследование показало активизацию использования социальных сетей в процессе организации протестных акций.

Инициаторы протестных действий в процессе их организации стали в большей степени ориентироваться на интересы общества, нежели в 2014 г. (рост со значения $-0,03$ до $0,55$). Интересно, что именно в Ульяновской области, где наблюдается самый высокий уровень гражданской и протестной активности, организаторы наиболее внимательны к нуждам обычных людей при планировании своих акций.

Исследование позволило выявить закономерность: рост протестной активности в регионах все больше дестабилизирует общественно-политическую жизнь. Возможно, это связано с ростом противодействия власти различным проявлениям недовольства населения, прежде всего посредством создания административных барьеров на пути организации уличных акций. Исключение — Республика Татарстан. Здесь при среднем уровне протестной активности и ориентации органов власти на диалог с протестующими фиксируется стабилизация жизни региона.

Реакция государства на проявления офлайн- и онлайн- формы коллективных действий

В последнее время в России возрастает роль государства в сфере регулирования интернет-среды. В экспертной среде не сложилось единого и однозначного мнения относительно того, насколько и как этот факт влияет на динамику коллективных онлайн-действий. Большинство экспертов, представляющих Республику Башкортостан, Кировскую область, Ставропольский край, Республику Адыгея, Ростовскую и Воронежскую области, т.е. регионы с низкой общественно-политической значимостью гражданской активности в Интернете, уверены в отсутствии в их регионе влияния государства на развитие коллективных действий граждан в Интернете. Интересно, что такого мнения особенно часто придерживались участники опроса, которые не принимали участия в акциях гражданских активистов (здесь идет речь как о протестных, так и о непротестных акциях). Относительное большинство экспертов от Республики Татарстан, Саратовской области убеждены в замедлении темпов онлайн коллективных действий как по причине адаптации к новым условиям, так и по причине появления опасений среди интернет-активистов за последствия своих действий. Противоположной точки зрения, т.е. смотрят на действия государства в сфере регулирования Интернет-среды как на фактор стимулирующий рост активности коллективных онлайн-действий в регионе, придерживаются 25% экспертов. Это по большей части, эксперты от Ярославской, Костромской области и республики Дагестан.

Если говорить о влиянии государства в сфере регулирования интернет-среды на содержательную сторону коллективных онлайн- действий, то здесь все же сложилось относительно консолидированное экспертное мнение: большинство участников опроса (62%) не увидели качественных перемен, т.е. изменений в её наполняемости. И здесь чаще остальных такое мнение высказывали эксперты, не участвующие в акциях общественников. Около 15% опрошенных уверены, что вмешательство государства в регулирование интернет-пространства привело к росту лояльности в отношениях онлайн-активистов и власти. Каждый четвертый эксперт (23,3%), оценивая результаты вмешательства государственных органов власти в развитие

российской интернет-среды, отметил радикализацию и усиление протестных настроений в интернет-среде. Особенно широко данное мнение распространено среди организаторов и рядовых участников протестных офлайн- и онлайн-акций, а также представителей Ульяновской и Костромской областей.

По мнению абсолютного большинства экспертов, органы государственной власти в регионах, а также на уровне Федерации отслеживают мероприятия и акции гражданских активистов, инициативных групп. Однако государство к активности граждан в сети Интернет относится более снисходительно, нежели к гражданской офлайн-активности, поэтому реже реагирует на общественные акции и инициативы в сети Интернет.

На различные формы непротестных коллективных офлайн-действий органы власти различных субъектов реагируют по-разному. Но чаще они либо «незначительно поддерживают их» (25,4%), либо «активно поддерживают, видя позитивные результаты работы» (22,5%), либо «опасаются и оказывают минимальное содействие им» (13,6%). О противодействии проведению публичных гражданских акций в ходе интервью говорили 13,6% экспертов, чаще всего представители Ульяновской (22,2%), Саратовской областей (21,4%), Республики Дагестан (27,3%), Республики Башкортостан (30,0%) и Иркутской области (20,0%). Эксперты от этих областей и республик поставили либо самую высокую, либо самую низкую оценку уровню развития гражданской активности (офлайн) у них в регионе. Кроме того, в ряде перечисленных субъектов наблюдается высокий рост протестных действий. Особенно интересно, что оценки и характеристики реакции государства на различные публичные акции, выставленные участниками этих акций и сторонними наблюдателями, отличаются, но не критично.

Активность граждан в сети Интернет несколько меньше интересна властям и не так беспокоит органы власти, как фактические коллективные офлайн-действия. Тем не менее эксперты были свидетелями ситуаций, когда органы государственной власти опасались акций гражданских активистов в сети Интернет, поддерживали их либо противодействовали им. Согласно результатам опроса, отпор и сопротивление госорганов развитию и проявлениям интернет-активности граждан довольно часто встречается в Ульяновской области (40,0%), Республике Башкортостан (50,0%), Саратовской (28,6%) и Самарской (27,3%) областях. О случаях господдержки интернет-активности граждан в ходе интервью смогли вспомнить около 30% экспертов. Чаще остальных среди них встречались представители Республики Татарстан (50,0%), Ростовской области (42,9%) и Республики Адыгея (83,3%).

Выводы

Коллективные действия представляют собой эффективный способ защиты гражданами своих прав и интересов. Современная общественно-политическая практика демонстрирует все большее распространение и все больший масштаб коллективных действий.

В то же время в науке нет однозначной трактовки коллективных действий. Условно можно выделить два подхода к пониманию коллективных действий: как отклоняющееся поведение и как рациональное поведение, направленное на защиту своих прав и интересов.

Особую эффективность коллективные действия приобретают благодаря сетевой структуре и использованию современных информационно-коммуникационных технологий (Интернета, социальных сетей). В этих условиях общение между ин-

дивидуумами создает взаимоотношения между индивидуумами, укрепляющими саму организацию коллективных действий.

Со сменой поколений, с развитием и ростом популярности интернет-технологий Интернет превратился в инструмент для самоорганизации граждан и в России.

Интернет предоставляет широкий инструментарий для организации и осуществления коллективных действий: выражения мнений, формирования сообществ, коммуникации, голосования, поиска вариантов решения проблем, сбора средств. Социальные медиа позволяют сократить издержки на организацию коллективных действий, создание критической массы недовольных.

Чтобы организовать и координировать акции протеста, активисты используют социальные сети (сайты), позволяющие выстраивать политическую коммуникацию и быстро организовывать коллективное действие, которое базируется на цифровых технологиях. В результате цифровые технологии предоставляют те ресурсы, которые ранее были сосредоточены в социальных движениях. Однако Интернет-технологий недостаточно без офлайн-активности, но они необходимы для обеспечения должного уровня и интенсивности коммуникации.

Как демонстрируют результаты проведенного исследования, активность населения в общественно-политической сфере регионов стабильна на протяжении нескольких лет. Деятельность и акции общественных активистов заметны как в реальной жизни, так и в онлайн. Государство к активности граждан в сети Интернет относится более снисходительно, чем к гражданской офлайн-активности, поэтому реже реагирует на акции онлайн-среды. Основываясь на практике регионов, можно сделать вывод о том, что только сотрудничество государства и гражданских активистов (даже если они ориентированы на протест) стабилизирует ситуацию в регионах. Препятствие и сопротивление развитию гражданской и протестной активности дестабилизирующе сказывается на общественно-политической ситуации в регионах РФ.

Библиографический список

- Купряшин, Г. Л. и др. (1996). *Введение в политологию: словарь-справочник*. М.: Аспект Пресс.
- Максимова, Е. Н. (2013). Политический протест как фактор нестабильности политической системы. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 3 (29), 105–108.
- Пустошинская, О. С. (2014). Категория «политический протест»: осмысление с позиции диалектики и сквозь призму концептуализации. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 1 (39), 185–188.
- Филатова, О. Г. (2000). *Методика и техника социологического исследования: Конспект лекций*. СПб: Издательство Михайлова В.А.
- Boulianne, S. (2009). Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*, 26 (2), 193–211.
- Brady, H., Verba, S., Scholzman, K. L. (1995). Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation. *American Political Science Review*, 89 (2), 271–294.
- Cho, J., Shah, D. V., McLeod, J. M., McLeod, D. M., Scholl, R. M., Gotlieb, M. R. (2009). Campaigns, Reflection, and Deliberation: Advancing an O-S-R-O-R Model of Communication Effects. *Communication Theory*, 19 (1), 66–88.
- Cohen, C., Kahne, J. (2012). *Participatory Politics: New Media and Youth Political Action*. Chicago: MacArthur Research Network on Youth and Participatory Politics.

- Curran, J. (2005). Mediations of Democracy. In Curran, J., Gurevitch, M. (eds.) *Mass Media and Society* (pp. 122–149). New York: Oxford University Press.
- Della Porta, D. (2014). Comment on Organizing in the Crowd. *Information, Communication & Society*, 17 (2). 269–271.
- Diani, M. (2000). Social Movement Networks Virtual and Real. *Information, Communication and Society*, 3, 386–401.
- Earl, J., Kimport, K. (2011). *Digitally Enabled Social Change*. Cambridge and London: The MIT Press.
- Friedman, D., McAdam, D. (1992). Collective Identity and Activism. Networks, Choices and the Life of a Social Movement. In A.D. Morris, C.M. Mueller (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory* (pp. 156–172). New Haven, CT: Yale University Press.
- Horrigan, J., Garrett, K., Resnick, P. (2004). *The Internet and Democratic Debate*. Pew Internet and American Life Project.
- Kavada, A. (2009). Email Lists and the Construction of an Open and Multifaceted Identity. *Information, Communication and Society*, 12, 817–839.
- McAdam, D., McCarthy J. D., Zald, M. N. (1996). *Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. New York: Cambridge University Press.
- McCurdy, P. (2012). Social Movements, Protest and Mainstream Media. *Sociology Compass Blackwell Publishing*, 6 (3), 244–255.
- Medina, L. F. (2007). *A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.
- Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. New York: Penguin Press.
- Stekelenburg van, J., Klandermans, B. (2010). Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. In B. Klandermans and C. Roggeband (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines* (pp. 157–205). New York: Springer.
- Tufekfi, Z. (2014). Capabilities of Movements and Affordances of Digital Media: Paradoxes of Empowerment. Режим доступа <http://dmlcentral.net/blog/zeynep-tufekci/capabilities-movements-and-affordances-digital-media-paradoxes-empowerment>

Статья поступила в редакцию 06.10.2018
Статья принята к публикации 11.11.2018

Для цитирования: Соколов А.В. Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 2. С. 45–59.

CHARACTERISTIC FEATURES OF COLLECTIVE ACTIONS MOVEMENT IN MODERN RUSSIA AND THE AUTHORITIES' REACTION TO THEIR ACTIVITY

A.V. Sokolov

Aleksandr V. Sokolov, Demidov Yaroslavl' State University, 14, Sovetskaya Str., 150000, Yaroslavl, Russia. E-mail: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 17-03-00132-ОГН: “Citizens’ collective actions on the protection and implementation of legal rights and interests in modern Russia”.

Abstract. The activation of the citizen’s collective actions has become a trend spanning various parts of the world. Russia is no exception. The Internet contributes to the growth of col-

lective actions, in that it facilitates intercommunication and coordination of joint actions. To analyze how collective actions are organized in modern Russia and to emphasize their specifics, the article presents the results of the original research based on a series of polls held in different regions of the Russian federation. The 2014 research covered 21 regions, in 2015, 14 regions were covered, and the 2017 research included data from 16 regions. The results of the research have revealed that the most active part in the social and political life of the regions belongs to coalitions of public associations and civic activists. However, they unite no more than two to three partners. At the same time, the most important principle that lies at the basis of their functioning is “common interest in civic activity”, “voluntary participation”, and “openness, and the development of external relations.” The research has enabled the author to detect the increase of collective actions in the Internet, as well as the decline of their effectiveness. At the same time, it has been revealed that the growth of protest activity in the regions is destabilizing their social and political life more and more. Special attention has been paid to the authorities’ reaction to collective actions. It has been observed that the role of the state in regulating the Internet environment in Russia is increasing. Yet it is emphasized that the state did not essentially influence the content of the citizens’ collective actions. State authorities in the regions and on the federal level are monitoring events and actions of civic activists and initiative groups. At the same time, the state is more lenient towards the citizens’ activity in the Internet than towards their off-line civic activity. The authorities in different subjects of the Russian federation react to their citizens’ off-line non-protest collective actions differently. But most often they either “support them to a very little degree” or “support them with a lot of enthusiasm proceeding from the positive results of their activity”; either “feel apprehensive and render the minimum of assistance to them” or “counteract them”.

Key words: collective actions, Internet, social networks, authorities, communication.

DOI: 10.31429/26190567-20-2-45-59

References

- Boulianne, S. (2009). Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*, 26 (2), 193–211.
- Brady, H., Verba, S., Schlozman, K. L. (1995). Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation. *American Political Science Review*, 89 (2), 271–294.
- Cho, J., Shah, D. V., McLeod, J. M., McLeod, D. M., Scholl, R. M., Gotlieb, M. R. (2009). Campaigns, Reflection, and Deliberation: Advancing an O-S-R-O-R Model of Communication Effects. *Communication Theory*, 19 (1), 66–88.
- Cohen, C., Kahne, J. (2012). *Participatory Politics: New Media and Youth Political Action*. Chicago: MacArthur Research Network on Youth and Participatory Politics.
- Curran, J. (2005) Mediations of Democracy. In Curran, J., Gurevitch, M. (eds.) *Mass Media and Society* (pp. 122–149). New York: Oxford University Press.
- Della Porta, D. (2014). Comment on Organizing in the Crowd. *Information, Communication & Society*, 17 (2). 269–271.
- Diani, M. (2000). Social Movement Networks Virtual and Real. *Information, Communication and Society*, 3, 386–401.
- Earl, J., Kimport, K. (2011). *Digitally Enabled Social Change*. Cambridge and London: The MIT Press.
- Filatova, O. G. (2000). *Metodika i tekhnika sotsiologicheskogo issledovaniya: Konspekt lektsiy* [Methods and Techniques of Sociological Research: Summary of the Lectures]. SPb: Izdatel'stvo Mikhaylova V. A.
- Friedman, D., McAdam, D. (1992). Collective Identity and Activism. Networks, Choices and the Life of a Social Movement. In A. D. Morris, C. M. Mueller (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory* (pp. 156–172). New Haven, CT: Yale University Press.
- Horrigan, J., Garrett, K., Resnick, P. (2004). *The Internet and Democratic Debate*. Pew Internet and American Life Project.

- Kavada, A. (2009). Email Lists and the Construction of an Open and Multifaceted Identity. *Information, Communication and Society*, 12, 817–839.
- Kupryashin, G. L., et al. (1996). *Vvedenie v politologiyu: slovar'-spravochnik* [Introduction into Political Science: a Reference Book]. M.: Aspekt Press.
- Maksimova, Ye. N. (2013). Politicheskiy protest kak faktor nestabil'nosti politicheskoy sistemy [Political Protest as Political System Instability Factor]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 3 (29), 105–108.
- McAdam, D., McCarthy J. D., Zald, M. N. (1996). *Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. New York: Cambridge University Press.
- McCurdy, P. (2012). Social Movements, Protest and Mainstream Media. *Sociology Compass Blackwell Publishing*, 6 (3), 244–255.
- Medina, L. F. (2007). *A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.
- Pustoshinskaya, O. S. (2014). Kategoriya “politicheskiy protest”: osmysleniye s pozitsii dialektiki i skvoz' prizmu kontseptualizatsii [“Political Protest” Category: Comprehension From Dialectics Position and in the Light of Conceptualization]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 1 (39), 185–188.
- Shirky, C. (2008). *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. New York: Penguin Press.
- Stekelenburg van, J., Klandermans, B. (2010). Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. In B. Klandermans and C. Roggeband (eds.) *Handbook of Social Movements Across Disciplines* (pp. 157–205). New York: Springer.
- Tufekfi, Z. (2014). Capabilities of Movements and Affordances of Digital Media: Paradoxes of Empowerment. Retrieved from <http://dmlcentral.net/blog/zeynep-tufekci/capabilities-movements-and-affordances-digital-media-paradoxes-empowerment>.

Received 06.10.2018

Accepted 11.11.2018

For citation: Sokolov A.V. Characteristic Features of Collective Actions Movement in Modern Russia and the Authorities' Reaction to their Activity.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 45–59.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).